

Я почувствовала, как защемило в носу, а глаза наполнились влагой, но тут же услышала голос Чэн Ди:

— Сяо Нин?

Я шмыгнула носом, вышла из кухни и спросила:

— Что случилось?

Она сидела на диване, подняв на меня взгляд:

— Ничего интересного по телевизору нет. Может, поболтаем?

— О чем хочешь поговорить?

Должно быть, мое нежелание поддерживать беседу показалось ей обидным, потому что тон ее стал холоднее:

— Я тебя отвлекаю?

Я растянула губы в улыбке:

— С чего бы это? — подошла к дивану, села рядом и посмотрела на нее. — Так о чем ты хотела поговорить?

Она немного подумала:

— Расскажи о себе и Сы Мине.

— О нас? Да нечего особо рассказывать. Обычный студенческий роман. Никаких бурных страстей, но все довольно неплохо. Он хороший человек, мы подходим друг другу...

— Собираетесь пожениться?

— Наверное. Когда у нас обоих наладится с работой, подумаем об этом. В конце концов, время пришло. — Я перевела тему: — А ты?

Мне хотелось узнать о ее жизни с Го Цзяньсяном, понять их отношения и брак, хотя в глубине души я вовсе не горела желанием слушать истории о ней и другом человеке.

Она взглянула на меня и медленно произнесла:

— Он сын друга моего отца. Мы познакомились тем летом, когда я училась на первом курсе, потом все сложилось само собой, а вскоре после выпуска мы поженились.

— Ты вышла замуж довольно рано.

— А что еще оставалось? Разве... разве не нужно было выходить замуж? — Она помолчала, а потом добавила едва слышно: — На самом деле, неважно, замужем ты или нет...

Я подумала: как это неважно? Жизнь до брака и после него — это же совсем разные вещи. Но в глубине души шевельнулась какая-то радость, а следом за ней — тоска.

— Но ведь это была жизнь, о которой ты всегда мечтала?

Когда-то Чэн Ди призналась мне, что больше всего на свете хочет иметь теплый и полноценный дом. Это было одной из причин, по которой я тогда отпустила ее. Теперь у нее все это есть, не так ли? Но почему же в ее глазах затаилась едва уловимая печаль?

— Возможно. Просто...

Что именно она имела в виду? Она не договорила, отвела взгляд и больше не смотрела мне в глаза.

— Жизнь такая, какая есть. Всегда случается что-то не по нраву, — произнесла я банальность, которая ни к чему не обязывала.

Она отпила немного сока из киви и натянуто улыбнулась.

Такая атмосфера, такие тяжелые разговоры — раньше между нами такого почти не бывало. Многие считали Чэн Ди спокойной и сдержанной, и это было правдой. Но она умела быть невероятно нежной, как вода, а могла стать живой и веселой, как семилетняя девочка — такой она была до того, как в ее семье разыгралась трагедия. Мне потребовалось много времени, чтобы разглядеть все грани, скрытые за ее тихим фасадом, а теперь я видела лишь поверхность — то, что видит любой обычный знакомый. Я включила новости на канале CCTV, чтобы заполнить пропасть между нами потоком броских заголовков.

Когда каша сварилась, уже стемнело. Я добавила немного леденцового сахара, перемешала, наполнила две миски, поставила их на стол и помогла Чэн Ди дойти до гостиной.

— Угощайся, чем богата.

— Я верю в твое кулинарное мастерство.

Какое там мастерство в варке каши? Я усмехнулась и начала есть.

Она медленно ела, понемногу зачерпывая ложкой, и, кажется, осталась довольна. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь звуками телевизора.

— Помнишь, как ты впервые приготовила мне еду?

Впервые? Конечно, я помню. Хотя Чэн Ди всегда казалась более нежной и утонченной, а я — более легкой и открытой, рядом с ней я становилась чувствительной и то и дело превращалась в кухарку. Госпожа Чэн с детства не привыкла готовить сама, а я, дочь простых людей, всегда помогала родителям на кухне. Однажды она пожаловалась, что у нее нет аппетита, и я вызвалась что-нибудь приготовить. Кто бы мог подумать, что с этого начнется моя жизнь в роли ее повара? Позже она то и дело говорила, что хочет именно моей стряпни, и я знала: она просто капризничает, хочет, чтобы я делала для нее то, чего не делала ни для кого другого. Я соглашалась, и в свободное от учебы время готовила для нее, а она с удовольствием ела. Когда она помогала мне, то тоже начала учиться готовить, иногда угощая меня подгоревшими яйцами или пересоленной лапшой. А теперь, наверное, она готовит лучше меня.

Я подняла голову и улыбнулась:

— Не очень помню. Что я тогда приготовила?

Ее взгляд потускнел:

— Ты не помнишь?

Я покачала головой.

Она замолчала, низко склонившись над миской. Я переключила канал на передачу с новыми исполнителями, чтобы разрядить обстановку приятной музыкой.

Когда мы закончили с кашей, я убрала посуду. Вдруг она произнесла:

— Это была каша из пшена с семенами лотоса...

Я улыбнулась:

— Эх, скоро тридцать, память уже не та. Не обижайся! — я старалась вернуть свой прежний, беззаботный тон.

После ужина мы посидели еще немного, и время перевалило за девять. Я достала пижаму в цветочек и белую шелковую ночную сорочку. Протянула ей сорочку со словами:

— Надень это.

В душе мне совсем не хотелось расхаживать перед ней в этой тонкой шелковой ткани, хотя в ней было куда прохладнее.

Она взяла вещь и уставилась на нее.

Я отрегулировала температуру воды в ванной, поставила рядом гель для душа и шампунь, а потом сказала, что можно идти мыться. Увидев, как она встала и, волоча правую ногу, медленно направилась к ванной, я не выдержала и подошла, чтобы поддержать ее.

Доведя ее до уборной, я усадила ее на приготовленный табурет и спросила:

— Нужно еще что-то сделать?

Она прикусила губу:

— Можешь помочь снять платье? Молния сзади.

Внутри у меня все дрогнуло, но я тут же приказала себе не делать из этого события.

— Хорошо, сиди спокойно.

Я зашла за спину, нашла собачку молнии и медленно потянула вниз. Ее белоснежная кожа обнажилась — безупречная, почти без изъянов. Сердце екнуло, возникло шальное желание прикоснуться к ней.

Но лишь желание.

— Поддержи меня, пожалуйста, — попросила Чэн Ди.

Я осторожно взяла ее за гладкие руки, стараясь не касаться верхней части тела, где был только бюстгальтер, и присела, чтобы помочь снять платье через ноги. Я чувствовала себя ужасно неловко.

Когда платье упало, она осталась сидеть в светло-голубом бикини. Если бы мы не были в ванной, она походила бы на модель, застывшую в ожидании художника.

— Я выйду, позовешь, если что-то понадобится.

Дальше я была бессильна помочь, даже если внутри меня и проснулось некое импульсивное желание.

Но прежде чем я успела закрыть дверь, Чэн Ди окликнула меня:

— Сяо Нин.

Я, держась за ручку двери, обернулась.

Она, казалось, вздохнула:

— Ничего.

Я легко улыбнулась:

— Не буду подглядывать, как красавица принимает ванну, а то жизнь сократится, — и, закрыв дверь, вышла.

Слушая шум воды, я мыслями вернулась на несколько лет назад. Тогда я впервые осталась у нее на ночь. Я приняла душ и сидела на ее большой кровати, дожидаясь ее. Она вышла в сиреневой ночной сорочке, обернув волосы полотенцем.

Я предложила высушить ей волосы. Она не шелохнулась, просто стояла и смотрела на меня — так долго, что мне стало не по себе.

Позже она сказала: Знаешь, Сяо Нин, когда ты сидишь на кровати с распущенными волосами в белой сорочке, а лунный свет падает на тебя, ты похожа на ангела. Такая красивая, такая нежная. Моя красота, моя нежность. И мне вдруг так захотелось тебя поцеловать...

Я была поражена: Значит, ты давно это замышляла? А я думала, те прятки были лишь минутной прихотью.

Она засмеялась: Ты не знала, но я мечтала поцеловать тебя уже давно.

Я тоже засмеялась: А ты не знала, что я тоже мечтала об этом целую вечность.

А потом, разумеется, последовал жаркий поцелуй.

Когда Чэн Ди закончила, я снова помогла ей и спросила, в какой комнате она хочет спать.

Она подумала и сказала, что в гостевой, но добавила, что нужно сменить постельное белье.

Я улыбнулась: Хорошо, сейчас поменяю. Я знала, что у нее легкая брезгливость, да и к тому же она была такой чувствительной натурой — возможно, ее что-то смущало.

Я проводила ее в гостевую, она полулежала на кровати и спросила, есть ли что почитать. Я протянула ей журнал и пожелала спокойной ночи.

Лежа в своей постели, я смотрела в потолок и чувствовала себя разбитой. Тело устало, но душа

— еще сильнее. Сейчас, находясь рядом с Чэн Ди, я ощущала не радость, а тяжесть. Требовалось столько душевных сил, чтобы просто общаться с ней. Те воспоминания, когда-то прекрасные, нахлынули, как прилив, но за ними следовали грозовые тучи, готовые обрушить на мой мир проливной дождь. Я потратила столько времени и сил, чтобы запрятать их в самый дальний уголок сердца, а Чэн Ди, даже не пошевелив пальцем, сорвала этот запрет, и все они ринулись на меня, скаля зубы, готовые поглотить.

Мне стало смешно. Какая я обычно жизнерадостная, а рядом с ней вдруг становлюсь совсем другим человеком, будто это и не я вовсе. Да, я могу притворяться — быть такой же веселой и легкой. Но как же тяжело носить маску перед тем, кого когда-то любила всем сердцем.

Когда-то Ван Мэй и другие говорили, что мое главное достоинство — не миловидное лицо, не стройная фигура и даже не веселый нрав, а естественность. Здоровая, природная естественность, словно у полевого цветка, который принимает и ласку неба, и его удары, и от этого становится только прекраснее. Но, расставшись с Чэн Ди, я начала смеяться на людях и плакать в одиночестве. Куда делась эта моя врожденная естественность?

За эти годы я слишком часто поступала против своей природы, я слишком устала. А с Чэн Ди даже без маски так трудно, а если еще и притворяться — это станет невыносимым грузом.

Я горько усмехнулась и решила отбросить эти мысли, надеясь, что сон поможет унять усталость.

Я закрыла глаза, и сон начал одолевать меня, но вдруг я увидела, как ко мне идет Чэн Ди. Все та же коса, то же белое платье, лицо такое юное, а в глазах — то ли радость, то ли печаль.

— Что случилось?

— Я должна уйти в одно место...

— В какое?

— Туда, где светит солнце и цветут цветы. Там я буду одна. Там я смогу делать что угодно, и никто не бросит меня, никто не причинит боли.

— А как же я?

— Я не знаю. Не знаю, не причинишь ли ты мне боль тоже, поэтому... лучше я пойду одна.

Я не причиню тебе боли, я хочу быть с тобой...

Но вместо этого я сказала:

— Но тебе же будет так одиноко...

— Возможно. Но это не важно. Важно лишь то, что никто больше не сможет меня ранить... — Она взглянула на меня — с тоской, как будто прощалась навсегда.

— Но... — я хотела еще что-то сказать, но она уже повернулась и ушла в бесконечную тьму, а не в ту солнечную страну, о которой мечтала.

Я закричала: — Чэн Ди! — и протянула руку, чтобы удержать ее, но схватила лишь пустоту.

Я в панике открыла глаза, все еще выкрикивая ее имя.

Чэн Ди сидела у края кровати и смотрела на меня с таким глубоким, печальным взглядом, что мне стало не по себе. Я поняла, что это был сон. Она протянула руку и нежно убрала прядь волос с моего лица.

Я замерла, замороженная эмоциями в ее глазах.

Вдруг она наклонилась и поцеловала меня.

Прохладное, мягкое прикосновение — такое чужое и в то же время до боли знакомое.

Я осталась неподвижна. Она прикусила мою губу, втягивая ее в себя. Я не могла не признать, что теряю голову, забывая, где нахожусь, жадно впитывая эту прохладную нежность, пока ее теплый язык не попытается проникнуть за мои зубы, штурмуя крепость.

Я оттолкнула ее:

— Чэн Ди!

Ее длинные волосы почти укрыли меня, я видела лишь ее глаза, подобные звездам в ночном небе.

Я отвернулась и тихо произнесла:

— Нас больше нет.

— Я знаю, что ты все еще чувствуешь что-то ко мне, я все еще в твоём сердце. Иначе почему ты злилась, когда мы играли в мяч? Почему убегала в ванной? Почему только что видела меня во сне и звала по имени?

Да, я все еще чувствую. Да, ты все еще в моем сердце. Но что с того? Почему мы расстались

семь лет назад? В каком положении мы сейчас?

Я повернулась к ней, заставляя себя сопротивляться ее близости.

— И что с того? Первая любовь всегда незабываема, не так ли? Но много ли людей остаются со своей первой любовью? К тому же... с человеком того же пола, что и ты...

Она молчала, лишь пристально смотрела на меня. Я видела ее упорство, скрытое за сдержанностью, и мне становилось невыносимо больно.

— Ты замужем, а я собираюсь выйти замуж за Сы Мина. Неужели ты не понимаешь, что поступаешь эгоистично? Где место Го Цзяньсяна в твоей жизни? И почему ты рушишь мой покой и счастье?

— Рушу твой покой и счастье? — прошептала она, и в ее глазах отразилось отчаяние.

— Разве не так? — я смотрела прямо ей в глаза, с трудом сдерживаясь.

Она медленно отступила. Я смотрела, как она доходит до двери и оглядывается, словно говоря сама с собой:

— Я не хотела разрушать твое счастье... Я просто... не могу совладать со своим сердцем...

Она ушла, оставив меня наедине с тупой, режущей болью.

<http://bllate.org/book/20983/2130416>